

Луи Буссенар

С Красным Крестом



Мадемуазель Фрикет

Луи Буссенар
С Красным Крестом

«Public Domain»

1896

Буссенар Л. А.

С Красным Крестом / Л. А. Буссенар — «Public Domain»,
1896 — (Мадемуазель Фрикет)

Героиня романа «С Красным Крестом» – девушка-француженка Фрикетта, которую зовут в путь две страсти: жажда приключений и неистребимое желание помогать людям, попавшим в беду. Поражают мужество и смелость этой юной девушки, которых хватило бы на десять мужчин.

Содержание

Часть 1	6
Глава I	6
Глава II	9
Глава III	12
Глава IV	15
Глава V	17
Глава VI	19
Глава VII	23
Глава VIII	27
Глава IX	31
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Луи Буссенар С Красным Крестом

* * *

Часть 1

Глава I

Парижанка и японец. – Битва. – Помощь раненым. – Операция под выстрелами. – Медицина и репортерство. – Война в Корее. – Из Парижа на Дальний Восток. – В бамбуковой чаще. – Королевский тигр.

– Будьте осторожны.

– Право же, доктор, я не боюсь.

– Вполне уверен в вашей храбрости, но осторожность все-таки не мешает. Посмотрите – опасность кругом.

– Ну и что? Это очень весело. Перед лицом опасности в сто раз сильнее чувствуется блаженство бытия.

– Может быть... Возможна и такая точка зрения. Но я говорю уже не о бомбах и пулях, которые сыплются здесь как град. Здесь есть тигры в бамбуковых чащах, ядовитые змеи в траве...

– Ха-ха-ха!.. Ну и пусть их...

– Вам это смешно?

– Мы, французы, народ веселый, господин Мито.

– Мы, японцы, тоже самый веселый народ на Дальнем Востоке, но я полагаю, что в жизни бывают минуты, когда следует быть серьезным.

– А по-моему, таких минут не бывает.

– Вспомните, китайцы находятся отсюда на ружейный выстрел.

– Вот нашли чем пугать! Этими желтыми обезьянами, удирающими от ваших солдат так, что только пятки сверкают!

– Вы несправимы, мадемуазель Фрикетта.

– Неисправима, господин Мито, и притом до крайности любопытна. Я никак не думала, что бой представляет такое интересное зрелище.

– Вы находите?

– Честное слово. Это стоит путешествия.

Грянул выстрел. В двух шагах упала и разорвалась бомба, подняв тучу дыма, земли и обломков.

Послышались крики, ржанье лошадей. Упали два человека и одна лошадь.

Не думая о личной опасности, молодая девушка и доктор Мито бросились на помощь раненым.

Превосходно обученный и дисциплинированный служебный персонал походного лазарета уже тащил на место происшествия антисептические средства, бинты, инструменты.

Один из пострадавших был ранен в руку.

Доктор Мито, небольшой человечек с шоколадным цветом лица, большими морщинами у глаз, седыми усами, быстро осмотрел и ощупал рану и сказал вполголоса:

– Контузия. Простой перелом.

Другой пострадал гораздо сильнее. Правая нога его была разбита осколком бомбы. Кровь так и лилась поверх сапога.

Над раненым хлопотала молодая девушка.

Совсем еще молоденькая, среднего роста и хрупкого сложения, с изящными ножками и ручками, мадемуазель Фрикетта представляла собою совершеннейший тип настоящей парижанки. Одета в простенький костюм из синего сукна, с маленькой тирольской шляпой на

голове, женовским красным крестом по белому полю на рукаве, она казалась слишком молодой для того, чтобы быть докторшей. И действительно, она была только сестрой милосердия.

Но какими же судьбами эта молодая особа очутилась 15 сентября 1894 года среди японской армии, атакующей китайские позиции при Пинг-Янге, в Корее?

В жизни все бывает.

Раненый, над которым наклонилась сестра милосердия, отчаянно кричал. Доктор подбежал к нему, взглянул на его изувеченную ногу и быстро сказал:

– Ампутацию!.. Проворней!.. Уверены ли вы в своих нервах, мадемуазель?

– Уверена вполне, – отвечала Фрикетта.

– В таком случае за работу!

По знаку доктора лазаретные служители уложили раненого так, чтобы он не двигался. Фрикетта сжала ему артерию, чтобы остановить кровь. Доктор взял нож и ловко принялся за операцию, надрезывая мускулы, чтобы обнажить кость. Сделав это, он схватил пилу и начал быстро пилить ею по кости... Нога отвалилась.

– Теперь надо хорошенько перевязать артерии, – сказал своим спокойным голосом японский доктор.

Это было сделано им с таким же искусством и твердостью руки, как и предыдущая операция. Фрикетта помогала доктору ловко, внимательно и аккуратно.

– Знаете, мадемуазель, – говорил доктор, – я теперь очень рад, что вас ко мне назначили, хотя прежде относился к вам с недоверием.

– Почему?

– Мне казалось, что вы не столько сестра милосердия, сколько репортерша, что вы приехали сюда не для ухода за ранеными, а для того, чтобы писать в газетах.

– Одно другому не мешает, дорогой доктор. Я действительно пишу в газеты, но что же делать? Чем-нибудь нужно же добывать себе пропитание, а мои родители, к сожалению, не настолько богаты, чтобы оплачивать мою страсть к путешествиям. Вы и представить себе не можете, доктор, до чего во мне сильна эта страсть!

– Вы, быть может, расскажете мне вашу историю?

– С удовольствием, доктор, но только после боя.

– Само собой разумеется.

Так разговаривая, доктор и сестра милосердия закончили перевязку ампутированной ноги, после чего наложили повязку на сломанную руку другого раненого.

Вскоре у них появилась новая работа. Бой продолжался, а их подвижной лазарет находился в первой линии. Перевес, видимо, склонялся на сторону по-европейски вооруженных и по-европейски обученных японцев. Их темные ряды быстро продвигались вперед; ружья Мурато и пушки Круппа трещали и гудели и делали свое смертоносное дело.

Со стороны китайцев особенно храбро сражались полк Лу-лу и войска зеленого знамени. Они отступали тоже, но медленно и в полном порядке, несмотря на страшный урон, который наносил им неприятель.

Земля вокруг была устлана мертвыми и умирающими. По их телам, давя их и растаптывая, проносилась артиллерия и кавалерия.

Не в силах устоять на месте, Фрикетта отправилась с носильщиками обходить поле битвы.

С волнением и печалью смотрела молодая девушка на эту бойню и думала: «Что за отвратительная, что за гнусная вещь – война!»

Достав из своей дорожной сумочки записную книжку, она принялась быстро заносить в нее свои заметки... Но вот опять хрипит раненый... Фрикетта бросает репортерство и принимается за дело милосердия.

Между тем ей начали попадаться раненные из китайской армии. Китайцы были высокие и представляли резкий контраст с карапузами-японцами. Одеты они были в черные тюрбаны, из-под которых высывались длинные национальные косы, в блузы и широкие панталоны, заправленные в короткие сапоги.

Один из них лежал с огромной раной в животе, нанесенной осколком бомбы. На истерзанные открытые внутренности уже опустилась целая туча каких-то отвратительных мух. А между тем несчастный еще дышал. Он нашел в себе силы достать из ранца принадлежности для курения опиума, покурил – и навеки заснул.

Молодая девушка продолжала обходить кровавое поле, оказывая свою скорую и умелую помощь. Наскоро перевязывала раненого, поила его водой; санитары клали его на носилки и быстро уносили к лазарету.

Так продолжалось несколько часов. Японская армия подвигалась вперед, выбивая китайцев из всех их позиций. Левый фланг японцев сделал обходное движение, приблизившее его к Чонг-Уангу, главному узлу позиции.

Фрикетта не заметила этого движения, из-за которого она оказалась отрезанной от главной массы войск.

Пушки гудели уже в отдалении, а ружейная трескотня была едва слышна.

Молодая девушка очутилась совсем одна. Даже ее лазаретные служители ушли, последовав за своим абмулансом, в который они перенесли последних раненых.

Она попробовала ориентироваться, пошла на гул орудий и заблудилась, как всегда бывает в подобных случаях.

Вокруг был густой лес, скрывавший солнце и мешавший отыскать настоящую дорогу.

Сообразив это, Фрикетта пошла прямо перед собой, надеясь в конце концов выбраться из рощи.

Но тут она попала из огня в полымя, потому что зашла в бамбуковую чащу, совершенно непроходимую.

Ею овладел смутный страх. Она вспомнила предостережения доктора Мито, но к несчастью слишком поздно.

Чувствуя усталость, она присела отдохнуть. Кроме того, ее донимали голод и жажда. В особенности жажда.

Сняв шляпу и вытерев потный лоб, молодая девушка проговорила:

– Ну, Фрикетта, ты не можешь пожаловаться: ты искала приключений – и нашла даже больше, чем нужно. Ты здесь по собственной своей вине и не должна поддаваться страху.

Между тем ночь быстро приближалась, таинственная и страшная ночь, какие бывают в лесах Дальнего Востока.

Фрикетта огляделась кругом и невольно задрожала, несмотря на всю свою храбрость. Подумав немного, она продолжала говорить сама с собой вполголоса:

– Хорошо читать у камина описание чьих-то невероятных приключений, но самой испытывать что-нибудь подобное... о, это другое дело... Ничего, мое начало недурно.

Вдруг она услышала поблизости чье-то тяжелое дыхание, послышался легкий треск сухих веток.

– Кто там? – спросила она голосом, в котором слышались и надменность, и тревога.

Обернувшись, она окаменела. Перед ней стоял огромный королевский тигр, спокойно глядевший на нее своими большими бурыми глазами.

Тигр не двигался. Фрикетта глядела на него, замирая от страха. Оба как будто держали пари – кто кого переглядит. Но вот зверь приподнялся на задние лапы и положил обе передние ей на плечи. Нервы ее не выдержали, она крикнула и упала без чувств.

Глава II

В положении Красной Шапочки. – Будет ли съедена мадемуазель Фрикетта? – Револьверный выстрел. – Переполох. – Желтые люди. – Осужденная на смерть.

Можно было держать пари, что мадемуазель Фрикетте не очнуться от обморока, что ее приключения кончатся в самом начале и кончатся трагически.

Но вышло иначе.

Через сколько времени, она не знала, сознание к ней вернулось.

Хотя кругом было совершенно темно, она все-таки могла до некоторой степени понять свое положение. А оно было просто ужасно.

Боли она никакой не чувствовала, но по временам то голова ее, то ноги ударялись о что-то твердое, вроде бамбуковых стволов.

Стало быть, Фрикетта избавилась от тигра и шла?

Ничуть.

Ее несли поперек туловища. Нес тигр – зубами. Нес, по всей вероятности, к себе в берлогу, может, для того чтобы на свободе ее съесть, а может, угостить свою тигрицу и тигрят вкусным, тонким, изысканным блюдом – мясом молоденькой белой девушки. Тигр нес пленницу осторожно, бережно; должно быть, он опасался как-нибудь испортить свою драгоценную дичь, редкую добычу.

К такому заключению пришла сама Фрикетта, когда сообразила свое положение.

Тигр нес ее довольно медленно, хотя для него она была не тяжелее, чем мышь для кота. Но в конце концов они оба должны же были куда-нибудь прибыть. И что же тогда?..

Фрикетта не могла об этом подумать без дрожи во всем теле. Но она была особа энергичная и сейчас же принялась обдумывать, как бы ей спастись.

Она принялась осторожно нащупывать свою небольшую кожаную сумочку, висевшую у нее через плечо. Для этого потребовалась довольно трудная и сложная гимнастика, но молодая девушка все-таки добралась до сумки, открыла ее, нажав пружинку, и достала из нее крошечный револьвер, больше похожий на детскую игрушку, чем на смертоносное оружие.

Зажав револьвер в руке, девушка с облегчением вздохнула и подумала: «Ну, Фрикетта, мужайся и не зевай!»

Действительно, эта молоденькая авантюристка была смелее, находчивее и хладнокровнее многих мужчин. Неустрасимо готовилась она к отчаянной борьбе с самым кровожадным, самым свирепым из диких зверей.

Правая рука ее сжимала револьвер, а левая сквозь густую шелковистую шерсть тигра тихонько нащупывала место, где у него бьется сердце.

Вскоре под левой рукой Фрикетта почувствовала какое-то кипение или клокотание и прошептала:

– Биение сердца тигра!.. Нельзя сказать, чтоб это была вещь банальная... Боже, как сильно и как быстро!

Она приложила дуло револьвера как раз к тому месту, где биение было слышнее всего, и решительно спустила курок.

Среди мрака и бамбуковой чащи раздался сухой, короткий выстрел и блеснул белый огонек.

Фрикетта все сумела предусмотреть. Она учла даже неизбежное сжатие тигром его челюстей в момент выстрела. Это сжатие было бы смертельным для пленницы.

Поэтому молодая девушка одновременно с выстрелом, опершись о голову тигра, левой рукой оттолкнулась от него. Она сейчас же упала на землю, так как зверь держал ее легко, чуть касаясь кончиками зубов.

Все произошло с молниеносной быстротой.

Тигр издал короткое хриплое рычание, прокатившееся по лесу как гром, хотел было сделать прыжок вперед – и не мог. Он привстал на задние лапы, бессильно взмахнул передними и тяжело рухнул на землю.

Фрикетта вскочила на ноги с радостным криком. Она была свободна, она была спасена. Но радость ее была непродолжительна.

Выстрел из револьвера и рев зверя, раздавшиеся среди ночной тишины, вызвали вдруг страшный переполох. Послышались крики людей, беготня по лесу, ружейные выстрелы, свист пуль.

Затем замелькали сквозь листву зажженные факелы. Они приближались к Фрикетте со всех сторон и сомкнулись вокруг нее кольцом.

Фрикетта узнала китайских солдат с их обезьяньими лицами, их разрезом рта в виде отверстия копилки, с их редкими усами в виде метелок. Разбуженные выстрелом, раздраженные только что нанесенным тяжким поражением и опасаясь ночного нападения, они схватили ее, предполагая в ней врага.

Тщетно Фрикетта протестовала, указывая на умиравшего тигра. Злобные китайцы не хотели ничего ни видеть, ни слышать. К тому же никто из них не знал по-французски. Фрикетту потащили куда-то в полном убеждении, что она японская шпионка.

Покуда ее связывали, она невольно припоминала благоразумные советы доктора Мито и каялась, – увы слишком поздно, – что не последовала им своевременно.

Действительно, для начала у нее было слишком много приключений, вдобавок таких опасных и страшных.

Чьи-то сильные руки держали ее между небом и землей, а чьи-то не менее сильные и энергичные ноги тащили ее куда-то.

Путь освещался теперь только одним факелом, остальные были потушены. Несмотря на свое опасное положение, молодая девушка не утратила способности рассуждать.

«Во всяком случае, не съедят же меня эти желтые обезьяны. Может быть, я еще и выберусь как-нибудь... Надобно ко всему быть готовой».

Действительно, вскоре кортеж пришел на обширную лесную поляну, освещенную большими кострами, перед которыми сидели солдаты.

На этих курносых лицах, словно пропитанных желчью, в этих косых глазах с фальшивыми взглядами читалась ярость униженной гордости, злоба на поражение, надежда на кровавый реванш. Реванш для них, впрочем, уже начался с жестокой расправы над пленными и ранеными японцами, попавшими в их руки. Таких было человек двадцать. Китайцы изувечили их с той утонченной жестокостью, на которую только они одни и способны, эти гениальные палачи и мучители.

Одним старательно были вывихнуты все пальцы на руках и на ногах, другим вырвали глаза и наполнили пустые впадины горячею золою; у всех были отрезаны уши, которые китайцы нанизали потом на бечевку, как сушеные грибы. У иных были отрезаны носы, у других вырезаны языки... Брр! Сколько крови, сколько зверств, сколько неслыханной жестокости!

Фрикетта возмущилась до глубины души и, забывая, что необдуманно словами она может себе только повредить, воскликнула:

– Негодяи!.. Вы недостойны называться людьми и солдатами!

При этих словах к ней подошел китайский офицер и сказал по-французски:

– Вы француженка?

– Да.

– Великолепно. Я сражался в Тонкине, командуя Черными Флагами, и ненавижу французов. Вы были с японцами?

– Да. Я ходила за ранеными как с их стороны, так и с вашей, не делая различия.

- Это для того, чтобы удобнее было шпионить за нами.
- Неправда!.. Это ложь!..
- Приготовьтесь же к ужасной казни, которой у нас казнят шпионов.

Глава III

Жилище парижского рабочего. – Жертва чтения. – Страсть к путешествиям. – Аттестат зрелости, а в будущем и докторский диплом. – Профессор и публицист. – Медицина и репортерство. – Отъезд. – В Японии.

Сент-Антуанское предместье, дом...

Но нет, я буду скромн и не скажу, какой номер дома. А то, пожалуй, раздразишь чьенибудь нескромное любопытство, тем более что рассказ мой – чистая правда, а не вымысел.

Скромная квартирка, скромная обстановка. Опрятность изумительная. Комфорт, доступный зажиточному парижскому рабочему. Две спальни, столовая и крошечная кухонька. Мебель самая обыкновенная – дубовая, хотя хозяин квартиры – столяр-краснодеревщик... или, вернее, именно потому, что столяр. Ведь уже давно известно, что настоящий сапожник всегда без сапог ходит.

В доказательство, однако, что столяр свое дело знает, – в столовой стоит превосходный книжный шкаф черного дерева в готическом стиле. Чудный шкаф – просто шедевр, а не шкаф. На его полках в порядке расставлены книги, хотя прочитанные и перечитанные не один раз.

Исключительно для отца семейства – сочинения по философии и политике. Парижский рабочий не боится даже самого серьезного чтения. Далее – сборник народных песен, полное собрание сочинений Виктора Гюго, купленное по частям на гроши, и много хороших и полезных книг. Наконец на особой полке ряд сочинений Жюль Верна, Майн Рида и других корифеев литературы путешествий и приключений на суше и на море.

Судя по этому подбору, так сказать, вполне своеобразному, можно было заключить, что эта полка принадлежит младшему члену семьи и, конечно, юноше с довольно таки горячей головой, мечтающему о дальних странах, о подвигах в этих странах и т. п.

Увы! Книги собрал не юноша, а девушка.

Расскажем по порядку.

Внизу на дворе помещалась мастерская, где с другими рабочими работал хозяин жилища, столяр Леон Робер, кровный парижанин, страстно любивший свой родной город, где жили и трудились все его предки. Вне Парижа он ничего не признавал. Дальше Вильерса-на-Марне, Рэнси или парка Сен-Мор никуда не ездил.

Жена его была такая же парижанка и такая же домоседка. Вселенная для нее ограничивалась с запада – площадью Бастилии, а с востока – вокзалом окружной железной дороги. Еще не старая, живая как ртуть, ловкая как фея, чистенькая как новый грошик, – она обладала всеми хозяйственными добродетелями и боготворила свою маленькую семью. Кроме нее самой, семья состояла из мужа, крепкого сорокадвухлетнего работника, сына Жана, служившего в приказчиках, старшей дочери Мари и младшей – Амели, которую прозвали Фрикеттой.

Вот эта-то Фрикетта, будучи еще шестилетней девочкой, пристрастилась к чтению книг о путешествиях и приключениях. Ее брат Жан получил однажды в школе в награду роман «Под Южным Крестом» и прочитал его вслух сестренке. Та слушала с горевшими глазенками и потом несколько раз просила «прочитать ей про маленького парижанина». Когда же она выучилась читать сама, то первую прочитанную книгой был все тот же роман. С этих пор она пристрастилась к этой своеобразной литературе, и пристрастие не уменьшалось с годами, а росло и усиливалось.

– Ах, если бы я была мальчиком! – часто говорила она.

С этих пор ее прозвали Фрикеттой по имени героя романа «Под Южным Крестом» парижанина Фрике, или Буле.

Превратившись в хорошенькую девушку, Фрикетта перестала жалеть, что она не мальчик; но в головке ее зародился смелый план.

Училась она усердно, так что это даже стало отражаться на ее здоровье. Глядя на ее побледневшее личико, отец говорил ей:

- Ты слишком много зубришь, Фрикетта. Ты заболеешь.
- Да нет же, папа! – отвечала девушка. – От работы не болеют. Доказательство – ты сам.
- Да и к чему это? Какая надобность тебе изводиться над книгами?
- Я хочу выдержать на аттестат зрелости.
- Что-о?.. Да ты в ученые метишь?
- Да. Я хочу быть докторшей.
- Медицины?
- Да, отец, медицины.
- Ну, что ж... Давай Бог. Ты, пожалуй, на это способна.

В глубине души отец был очень рад этому.

Итак, Фрикетта училась. В Париже стоит только захотеть – выучиться всему можно и для всякого это доступно: все научные и учебные пособия под рукой, и, чтобы пользоваться ими, не надо много денег.

И Фрикетта воспользовалась этими привилегиями парижского жителя. Она записалась экстерном в лицей Виктора Гюго, где своими успехами изумляла учителей. Без всякого труда выдержала она экзамен и, получив аттестат, записалась на медицинский факультет.

Старый рабочий невольно гордился дочерью.

Если б только он знал, в чем дело!

Все эти проделки – и аттестат зрелости и медицина – были не целью, а лишь средством...

Средством удовлетворить ненасытную страсть к путешествиям и приключениям.

Молодая девушка после долгих размышлений пришла к тому вполне справедливому заключению, что для путешествия необходимы деньги... много денег.

Если же денег нет, а желание рыскать по белу свету есть, то нужно позаботиться о приобретении денежных средств.

Мужчина может получить поручение более или менее научного характера, добиться помощи и поддержки от министерства. В крайнем случае его может отправить в экспедицию какая-нибудь торговая фирма. Наконец, он может наняться матросом, кочегаром.

Главное – забраться, что называется, к черту на кулички.

Но то, что возможно и доступно энергичному и решительному мужчине, немыслимо для молодой девушки.

Поэтому мадемуазель Фрикетта рассудила:

«Когда я добуду себе какое-нибудь звание, например, докторши, когда я к этому званию присоединю солидный научный багаж, тогда главные затруднения – нравственные и материальные – устранятся сами собою. Если я буду женщиной-врачом, то на меня уже нельзя будет смотреть как на авантюристку. Звание врача будет мне всюду пропуском и охраной. С другой стороны, я не невеждою проеду по неизвестным странам... Итак, будем ждать случая».

Случай представился... и так неожиданно, что сама Фрикетта удивилась.

Один из профессоров факультета сильно заинтересовался ею, будучи поражен ее умом и способностями. Молодая девушка откровенно выложила перед ним все свои планы и надежды.

Профессор был очень дружен с редактором-издателем одной большой парижской газеты.

Тогда предвиделась война между Китаем и Японией и требовались корреспонденты в места военных действий.

– Да ведь у меня есть для вас подходящий человек! – воскликнул профессор. – Это молодая девушка... энергичная и решительная. Притом умная, образованная, безупречной нравственности...

– Молодая девушка – и вдруг военный корреспондент!.. Да вы смеетесь, мой друг...

– Нисколько. Что требуется, в сущности, от корреспондента? Уменьше смотреть, наблюдать и способность хорошо передавать результаты своих наблюдений – не так ли? Ведь, надеюсь, вы от него не потребуете военных знаний?

– Разумеется, нет.

– Мадемуазель Фрикетта лучше всякого другого будет составлять для вас корреспонденции, которые ведь, в сущности, сводятся лишь к большим репортерским отчетам. Кроме того, ее услуги обойдутся вам гораздо дешевле...

Заговорить с предпринимателем о дешевизне – значит заиграть на его слабой струне.

Редактор-издатель стал слушать внимательнее и спросил:

– Кто же такая мадемуазель Фрикетта?

Профессор рассказал. Его друг начал подаваться.

– Но как же мы прикомандируем ее к штабу японской армии? Не могу же я серьезно облечь ее званием военного корреспондента. Нас на смех поднимут.

– Прикомандируйте ее к Красному Кресту в качестве сестры милосердия.

– Великолепная мысль!

– И легко осуществимая. У меня есть много знакомых японских медиков, моих бывших учеников. По моей рекомендации они окажут мадемуазель Фрикетте радушный прием.

– Прекрасно. На этом и порешим.

Таким образом молодая девушка отправилась на Дальний Восток.

Вначале были, однако, затруднения. Родители ни за что не соглашались отпустить Фрикетту; но молодая девушка всеми силами, всеми правдами и неправдами добилась назначения. Сборы были недолгие. Фрикетта знала, что для далеких путешествий нужно брать с собой как можно меньше багажа. Поэтому она взяла с собой только два небольших чемодана с самым необходимым количеством белья и вещей.

На все потребовалась лишь неделя времени. Редакция газеты снабдила свою молоденькую корреспондентку аккредитивами; Лионская железная дорога выдала ей бесплатный билет до Марселя; пароходное общество «Messageries Maritimes» предоставило ей место на «Эрнест Самонс» и т. д. Одним словом, молодая девушка могла доехать до Йокогамы, почти не раскрывая кошелек.

Прощание с семьей было грустное. Поезд помчался...

Выйдя из Парижа в девять часов утра, он прибыл в Марсель в десять часов вечера. Отдохнув двое суток в гостинице, Фрикетта села на великолепный пароход «Эрнест Самонс» и в три часа дня 25 июня 1894 года покинула берега Франции.

Порт-Саид, Суэц, Аден, Бомбей, Коломбо, Сингапур, Сайгон, Гон-Конг, Шанхай, Кобе, Йокогама...

Фрикетта не помнила себя от восторга, прислушиваясь к столь знакомым ей (из книг) экзотическим названиям. Ей порою не верилось, что это – не сон, а действительность.

Она высадилась 22 июля в Йокогаме, пробыв в плавании ровно тридцать семь суток. С парохода она спорхнула свежая, веселая и проворная, как воробей.

Остальное легко угадать.

Французское посольство сделало для Фрикетты все, что только было возможно, по рекомендации газеты. Военные врачи оказали ей самый радушный прием, а японское военное министерство сейчас же прикомандировало ее к походному госпиталю.

Спустя три недели Фрикетта села в Хиросиме вместе с японской армией на транспортное судно и высадилась в корейском порте Фузана, где сосредоточивались войска.

С первыми шагами Фрикетты на войне читатель уже познакомился.

Глава IV

Душа китайца. – Товарищ в плену. – Детская преданность. – Часовой. – Хитрость Фриккетты. – Бегство. – Тревога. – Преследование. – Рок. – В волнах.

Лживые, мстительные, коварные, а главное свирепые, китайцы всегда опасные враги, хотя в открытом бою их нечего особенно бояться. Один против одного они буквально ничего не стоят. Страшны они лишь полным отсутствием даже намека на великодушие к побежденному врагу. После битвы они хладнокровно добивают раненых, надругаются над убитыми и бессовестно тиранят пленных, – и все это с утонченной жестокостью.

Ничто их не смущает и не волнует. Можно подумать, что в жилах этих людей течет не кровь, а желчь.

Таким образом, Фриккетта, попав к ним в плен, подвергалась очень большой опасности.

Первым делом ее обыскали, обшарив все ее карманы. К несчастью, у нее оказалась записная книжка, в которой она делала заметки для корреспонденций. Бывший начальник Черных Флагов объявил эту книжку вещественным доказательством шпионажа и проговорил своим гнусавым голосом, обращаясь к пленнице:

– Ты – шпионка.

Фриккетта принялась протестовать.

– Это неправда! Я ненавижу войну, между кем бы она ни велась! Я – женщина, я явилась сюда для ухода за ранеными и больными.

Офицер улыбнулся своей злобной, гадкой улыбкой, больше похожей на гримасу, и сказал:

– Ты – француженка, ты – наш враг, ты умрешь.

Она опять хотела возразить, но офицер повернулся к ней спиной и отдал по-китайски какое-то приказание.

Два солдата схватили ее, отнесли в соломенную хижину и бросили там на пол, точно пакет. К дверям приставили часового, а для большей безопасности в углу хижины поставили зажженный факел.

В ту минуту, когда Фриккетта падала на пол, в хижине раздался жалобный крик. Фриккетта оглянулась кругом и при свете факела увидела рядом с собой маленького мальчика, худого и истощенного, к которому тотчас же почувствовала жалость.

Вся одежда мальчугана состояла из грязного лоскутка, обмотанного вокруг талии. Фриккетта приподняла свои связанные руки и тихонько погладила несчастное существо.

– Бедняжка! – сочувственно проговорила она.

Мальчик сначала посмотрел на нее хмуро и недоверчиво, но потом выражение лица его смягчилось, на губах появилась широкая улыбка до ушей; он инстинктивно схватил приласкавшую его руку и поцеловал ее, пробормотав несколько непонятных слов.

– Боже мой! – воскликнула Фриккетта. – Можно ли быть таким безобразным и в то же время таким симпатичным!

Услыхав этот голос, мальчик еще шире улыбнулся. Ему пришла в голову удачная мысль. Веревки, которыми были связаны руки пленницы, были очень крепки, но мальчик обладал преострыми зубами. И вот он принялся грызть веревку. Меньше чем через пять минут Фриккетта получила возможность вполне свободно действовать руками.

«Да он не дурак! – подумала Фриккетта. – Очень ловко».

Уверенные, что пленнице не убежать, китайцы оставили ей сумочку. Из нее Фриккетта вытащила ланцет и перерезала веревки на ногах у себя и у мальчика.

Оба были свободны. Мальчик, блестя глазенками, прижался к ней. Она стала ему говорить тихо и быстро, дополняя и поясняя слова жестами. Мальчик слушал и, видимо, понимал.

В лагере постепенно затихли все звуки. Усталые от похода и битвы китайцы спали как убитые. Только часовые перекликались кое-где.

«Надо бежать во что бы то ни стало, – решила Фрикетта, – иначе завтра эти обезьяны меня расстреляют».

Она встала и подошла к двери, которая была широко открыта. Ее остановил громкий храп часового.

– Я о нем и забыла! – проговорила она. – Как же с этим быть?

Утомленный часовой спал стоя. Мальчик выполз из хижины и лежа стал смотреть снизу вверх на солдата. Тот засыпал все крепче и крепче, постепенно оседая на землю и обхватив руками ружье.

Мальчик вернулся в хижину и мимикой объяснил Фрикетте, в каком положении находится часовой.

– Понимаю! – сказала она. – Это значит – он спит. Надо воспользоваться случаем.

Она вышла из хижины, но часовой вдруг приподнял голову и забормотал. Фрикетта быстро вернулась в хижину и сердито проговорила:

– Этакой несносный!.. А между тем я все же не решусь его убить. Я даже понять не могу, как это можно убить человека, хотя бы для сохранения собственной жизни... Как же мне теперь быть? Что делать?..

Мальчик смотрел на нее во все глаза и тоже что-то обдумывал. Вдруг он встал, направился к факелу, горевшему в углу хижины, и потушил его. В хижине сделалось совершенно темно.

«Превосходная мысль! – сообразила Фрикетта, ударив себя по лбу. – И у меня тоже мысль... Часовой не хочет заснуть. В таком случае мы усыпим его».

Она опять порылась у себя в сумочке и достала оттуда флакон с хлороформом; откупорив его, она в темноте осторожно вышла из хижины и подкралась к солдату. Тихо и ловко приставила она к его носу флакон. Солдат дышал тяжело, как все усталые люди, и потому сразу сильно потянул в себя носом усыпительный запах хлороформа.

Фрикетта, радуясь успеху, продолжала держать склянку у носа часового. Еще несколько мгновений – и часовой заснул, как чурбан.

Фрикетта спрятала флакон обратно в сумку и вернулась в хижину, где ее ждал мальчик, он улыбнулся, готовый всюду следовать за нею.

Ночь была темная. Лишь кое-где на небе блестели звезды.

Фрикетта ориентировалась с грехом пополам и направилась на юг, где, по ее соображению, находилась японская армия. Мальчик пошел с нею. Он шел медленно и осторожно, пробираясь среди крепко спящих солдат. Фрикетта уже надеялась, что ей удастся пройти благополучно через весь лагерь, но вдруг беглецы совершенно неожиданно наткнулись на кучку солдат, варивших себе рис. Беглецов заметили при свете жаровни. Солдаты вскочили и крикнули им, чтобы они остановились. Фрикетта крепко сжала руку своего маленького спутника и припустилась бежать. Китайцы схватили ружья. Пули засвистали со всех сторон. Крики становились все громче и громче. Испуганный мальчик еле брел. Фрикетта схватила его на руки, собрав свои последние силы. Крики и выстрелы приближались.

В эту минуту молодая девушка увидела перед собой небольшую полянку в лесу. Перебежав ее, она кинулась в густую чащу. За чащей оказалась широкая темная река, преградившая беглянке путь.

– Лучше смерть, чем опять этот плен! – решила энергичная девушка.

Прижав к себе мальчика, она кинулась в волны.

Глава V

*Mens sana in corpore sano*¹. – Плавание. – Спасены! – Ли и Лили. – Ли завтракает, а Фрикетта голодает. – Крокодиленок *a la soque*.

Что наша воспитательная система очень далека от совершенства, с этим, я думаю, согласен будет всякий. Физическая сторона находится у нас в полном пренебрежении, и только одни военно-учебные заведения составляют исключение. В последнее время, впрочем, современные педагоги понемногу стали браться за разум и вводят, по мере возможности, различные физические упражнения в школах, без чего, в сущности, правильное воспитание немислимо, так как от воспитания требуется приведение в равновесие всех духовных и физических сил воспитанника.

Результаты этих новых педагогических веяний уже начинают сказываться. Не теряя свойственной им полу грации, воспитанницы преуспевают в разных видах спорта. Такова была и наша Фрикетта. Вот почему она и сумела быстрой ланью промчаться мимо китайцев и решилась даже броситься в реку да еще с восьмилетним мальчиком.

Очувшись в воде, она первым делом нырнула на самое дно и заметила:

– Да здесь глубоко!

Схватив под левую мышку голову полубесчувственного мальчика, она правую принялась энергично грести. Мальчик уже не барахтался, а это только и нужно было Фрикетте.

Таким образом она проплыла саженой пятнадцать, но вот выбилась из сил окончательно и начала опускаться на дно. Вдруг нога ее встретила что-то твердое. То было песчаное дно... Берег был близко... Шатаясь, прошла она несколько шагов, схватилась за траву и вышла на сушу, не выпуская из рук маленького корейца.

Минут пять она переводила дух, не в состоянии ничего больше предпринять. Промокла она до последней нитки и стучала зубами от холода.

Маленький кореец постепенно приходил в себя и громко чихал.

– Ну, господин мальчик, – шутливо сказала ему Фрикетта, – мы спасены.

Он что-то пролепетал в ответ, привстав на своих слабых ногах, и потянул Фрикетту за платье, как бы говоря: «Пойдем».

– Что ж, я готова. Ты здешний, показывай дорогу.

Ребенок все тянул ее за мокрую юбку. Фрикетта пошла за ним, ступая по топкому болоту. К счастью, они не встретили неприятеля.

Вскоре к усталости и холоду присоединились мучения голода. Мальчик заметно ослабевал. Фрикетта тоже не могла похвастаться свежестью сил, так как перед битвой лишь успела наскоро закусить.

Так проблуждали они всю ночь. Когда взошло солнце, они увидели, что кружились все это время на одном месте: река была тут же, только метрах в пятистах, не более.

Фрикетта засмеялась. Мальчик тоже засмеялся.

Ей пришло в голову спросить:

– Послушай, как тебя зовут?

Он стал повторять ее слова, разумеется, коверкая их.

– Да ведь это вовсе не урок французского языка с моей стороны, ты не думай... Ах, как бы ему это объяснить?

И, указывая на себя пальцем, она сказала:

¹ *Mens sana in corpore sano* – в здоровом теле здоровый дух. Вот принцип, которым начала постепенно проникаться современная педагогика, к сожалению, так долго его игнорировавшая. Но лучше поздно, чем никогда. Гимнастика, танцы, фехтование, верховая езда, плавание, прогулки и игры на свежем воздухе постепенно вводятся в наших учебных заведениях – и не только мужских, но и женских.

– Фрикетта.

Когда она произнесла это слово раза три, сопровождая его тем же жестом, мальчик понял и повторил:

– Фалликетта.

– Не Фалликетта, а Фрикетта.

– Фалликетта.

– Довольно!.. Ты мне уши дерешь... Очевидно, господа китайцы никак не могут произнести звук «р».

Указав пальцем в мальчика, Фрикетта сделала головой вопросительный знак.

Мальчик понял и ответил:

– Ли.

– Так тебя зовут Ли!.. Прекрасно!.. Жаль, что я не догадалась сказать тебе свое уменьшительное имя – Лили. Ты бы не коверкал его по крайней мере.

Мальчик опять засмеялся и сказал:

– Фалликетта... Лили!

– Да ты у меня премиленький!.. Вижу, что мы в конце концов сговоримся. Прекрасно. Зови меня Лили. Так мы и будем с тобой – Ли и Лили.

Она заметила, что ее Ли вдруг стал озабоченно оглядывать почву, всю покрытую песком и илом, на котором заметны были когтистые следы какого-то странного зверя.

«Что за противные следы! – подумала Фрикетта. – Что бы это за зверь был?»

На песке возвышались там и сям небольшие бугорки, которые Ли принялся раскапывать руками. Вскоре он вытащил несколько огромных яиц величиной каждое с двойной кулак. Одно из них он кокнул о камень и жадными губами сейчас же присосался к образовавшемуся отверстию.

– Классический способ есть сырые яйца! – сказала Фрикетта. – Но свежи ли они? У меня к ним какое-то недоверие.

Ли, показав подруге, как надо справляться с яйцами, взял другое яйцо и любезно подал его ей, предварительно кокнув его.

Фрикетта взяла, понюхала и, почувствовав отвратительный запах сернистого водорода, бросила яйцо прочь, воскликнув:

– Да оно насиженное!.. Зародыш почти развился!.. Фи, какая гадость!

От падения яйцо разбилось совсем. Молодая девушка с отвращением увидела в нем копошащегося... крокодиленка.

Ли не разделял подобного отвращения. Он схватил зародыш, открыл рот и проглотил его с видимым наслаждением, подобно тому, как мы глотаем красных креветок.

Фрикетта насмешливо смотрела на мальчика и думала:

«Странная, однако, гастрономия у этих господ восточников! Гнезда ласточек, личинки бабочек, жареные собаки, гнилые яйца!.. Нет, наша кухня лучше».

Лучше ли? Права ли Фрикетта? А наша дичь с запашком, а наши вонючие сыры – рокфор, лимбургский и другие? Чем это лучше тухлых яиц?

Как бы то ни было, но Ли позавтракал, а Фрикетта осталась голодной. Мальчик с удовольствием облизывался и жмурил глаза.

Фрикетта достала записную книжку и на ее подмоченных листках написала:

«Моего нового друга зовут Ли. Он завтракает крокодиленком а la сое, а я подтягиваю себе живот. Что-то с нами будет?»

Неожиданный инцидент скоро должен был произойти, чтобы дать ответ на ее вопрос.

Глава VI

Маленький крокодил. – Пенсне мадемуазель Фрикетты. – Огонь! С меня довольно! – Прерванный завтрак. – Чудовище. – Бегство. – На дереве. – Осада. – Сампан. – Ли – местная «шишка».

Река делала в этом месте довольно крутой изгиб, что способствовало во время наводнений осадке белого речного песка, который теперь образовал на берегу довольно большую отмель. Насытившемуся Ли было досадно, что его подруга отказалась от неприхотливых, но сытных блюд. Его доброе сердце подсказывало ему, что Лили голодна, и он выбивался из сил, придумывая, чем бы ее накормить.

Его черные, сверкавшие, как закаленная сталь, глаза зорко озирались во все стороны, оглядывая отмель.

Вдруг он радостно крикнул и подпрыгнул. Затем начал бегать, как будто на нем загорелись лохмотья, обернутые вокруг его талии.

Фрикетта с изумлением смотрела на мальчугана.

Известно, что крокодилы, подобно всем ящерицам, большим и малым, вылупливаются из яиц. Собираясь нести яйца, самка выкапывает в песке несколько неглубоких ямок и кладет в них от двадцати пяти до тридцати яиц.

Закрыв углубления песком, она предоставляет всю заботу о будущем поколении солнцу. Жара и песок играют роль искусственного инкубатора, и маленькие крокодилы вылупляются, по словам одних естествоиспытателей, на двадцать первый день, по словам других – на сорок первый².

Хитрый мальчишка разыскивал кучи яиц и преимущественно останавливался у тех, которые казались ему положенными раньше.

Перед одной из таких кучек он остановился окончательно и задумался, расставив ноги и упершись ладонями в колени.

Песок тихо двигался, будто под верхним слоем шевелились живые существа.

Скоро из кучки выползло что-то вроде маленькой ящерицы, сантиметров пятнадцать в длину, с большой головой; в первую минуту животное как будто еще не пришло в себя, но затем, пошевелив хвостом, головой и лапами, оно быстро побежало по направлению к реке.

С проворством обезьяны, ловящей пчел и съедающей их, Ли подхватил маленького крокодила и положил его на землю, перевернув брюшком вверх.

Это положение особенно неудобно для земноводного, так как переменить позу оно не может без посторонней помощи.

– Да это маленький крокодил! – воскликнула Фрикетта. – Тут целый выводок!

Действительно, вслед за первым из ямки выполз второй и вскоре также лежал неподвижно, схваченный мальчуганом. Третьего и четвертого крокодила постигла та же участь. Наконец, их набралась целая партия.

– Уж не думаешь ли ты кормить меня ящерицами? – спросила Фрикетта, чрезвычайно заинтересованная.

При виде этих судорожно двигавшихся хвостов и лап Ли продолжал смеяться своей широкой, как у буддийского идола, улыбкой. Видя, что и это лакомство не прельщает его подругу, он подбежал к бамбуковому кусту, собрал охапку сухих палок, и, указывая жестом то на бамбук, то на крокодилов, казалось, хотел сказать:

² Очень может быть, что те и другие правы. В странах экваториальных срок, вероятно, короче, чем в странах, где лучи солнца менее жгучи. – Прим. автора.

«Вот мясо; вот дрова; разведи костер, изжарь мясо и ешь!.. Ну же, скорей, мне тяжело видеть тебя голодной!»

В душе Фрикетта как будто слегка колебалась. От голода или любопытства, но ее отвращение уменьшилось.

«Притом ведь это еще совсем маленькие крокодиленки, – думала она, – право же, не совсем обыкновенное блюдо; сам Фрике, великий Фрике, мой учитель, не пробовал его... Да, но где добыть огня?»

Фрикетта вспомнила, что у нее с собой был трут как кровоостанавливающее средство, которое должно непременно находиться во всякой дорожной аптечке.

Но у нее не было ни кремня, ни огнива, ни какого-либо другого стального инструмента.

– Да, право, жаль, – повторила она задумчиво. – Хотелось бы выйти из этого затруднения.

Вдруг она воскликнула:

– Ах, нашла! А мое пенсне.

Подобно большинству людей, которым приходилось очень много читать и работать, у Фрикетты зрение было слабое. Пенсне всегда находилось в кармашке ее корсажа, и она никогда с ним не расставалась.

Вынув пенсне из футляра, она не раскрыла его, а подставила стекла, как они лежали одно над другим, под отвесные лучи солнца.

Другой рукой она держала кусок трута, то приближая, то отдаляя его, стараясь найти фокус.

Фрикетта не отрывала глаз от маленького светящегося круга. Мало-помалу показалась струйка дыма с легким запахом гари. Затем запах дыма стал сильнее: трут загорелся.

– Победа! – воскликнула Фрикетта. – Я добыла огонь!..

И Ли, изумленный, кричал также на своем ломаном языке:

– Победа!.. Победа!

Фрикетта бросила трут на сухой бамбук и стала раздувать огонь. Бамбук вспыхнул, и веселое пламя взвилось в воздух.

Ли схватил маленьких крокодилов и бросил их с полдюжины в огонь. Они скоро испеклись, и в воздухе распространился запах жареного мяса.

– В конце концов, кушанье, должно быть, не хуже всякого другого, – сказала Фрикетта. – У этих бедных новорожденных вместо костей хрящи... Их можно очистить, как банан, и съесть сразу. Фрике находил, что так приготовленные маленькие черепахи очень вкусны, и съедал их без остатка. Попробуем!

Кончиками пальцев она взяла одного маленького крокодила, съевшегося от жарения и похожего на тех высохших гиппопотамов, которых можно видеть в музеях.

Молодая девушка собиралась покориться необходимости и попробовать странное блюдо, как вдруг отчаянный крик Ли заставил ее вздрогнуть.

Она вскочила, уронив жареного крокодиленка, и увидела, что мальчуган убегает со всех ног, делая ей знак следовать за собой.

Машинально Фрикетта повернула голову, чтобы увидеть причину волнения мальчугана, и сама вскрикнула от ужаса. Почти рядом с Фрикеттой, всего метрах в двух, раздался звук, похожий на рев быка. Громадный крокодил, с которого еще стекала вода, дотопил до этого места и, стоя на растопыренных лапах, жадным взглядом смотрел на девушку, собираясь схватить ее.

Ли первый заметил чудовище и бежал. Ей невозможно было это сделать – настолько пресмыкающееся было близко. Она не успела бы сделать и десяти шагов, как эти громадные зубы схватили бы ее, растерзали и в минуту измололи...

Видя смертельную опасность, в которой находилась его подруга, Ли опять приблизился, не переставая кричать; но крики его приводили животное еще в большую ярость.

Крокодил был метров шесть в длину. Его фиолетовая, налившаяся кровью пасть, не менее метра ширины, то открывалась, то закрывалась, щелкая, как ножницы. Одного удара хвоста было бы достаточно, чтобы сразу убить самого сильного человека.

Бледная, но решительная Фрикетта не потеряла присутствия духа. Она выхватила из горящего костра самые длинные бамбуковые палки, собрала их в пучок, образовавший как бы пылающий факел, и смело сунула его в самую глубину широко открытой пасти чудовища.

Челюсти сомкнулись со стуком крышки чемодана.

Послышалось шипение горящего мяса и вслед за ним мычание.

Обожженное, задыхающееся животное отскочило одним прыжком назад, схватившись когтями за пасть, царапая ее и стараясь вырвать горящий тростник.

Молодая девушка достигла своей цели. Избавившись от первой опасности этим смелым маневром, она теперь бежала прочь что было духу, сопровождаемая мальчуганом, покатывавшимся со смеху над ловкой выдумкой.

– Да, хорошо тебе смеяться! – с комическим негодованием обратилась к нему Фрикетта. – Нечего сказать, прелестная страна! Настоящий зверинец!

Опомнившись от испуга и не чувствуя уже такой боли, как в первую минуту, крокодил снова погнался за беглецами.

Ли увлек свою подругу к реке, и не без основания, как увидим, хотя на первый взгляд это направление казалось Фрикетте неправильным. Она боялась, чтобы чудовище не перерезало им путь отступления в равнину. Так и случилось. Однако у Ли были свои планы. Берег порос густыми деревьями, с ветвями, опускавшимися до самой воды.

Видя, что земноводное быстро приближается, Ли схватился за ветку и вмиг, с быстротой обезьяны, очутился наверху. Фрикетта последовала за ним с чрезвычайной легкостью. Теперь она весело смеялась, зная, что крокодила уже нечего бояться.

Крокодил подполз к самому дереву и обходил его с решительным видом.

Он то открывал, то опять закрывал свои большие бычьи глаза, бил по воздуху хвостом, щелкал челюстями.

Видя, что ему не добраться до Ли и Фрикетты, спокойно усевшихся на ветке, крокодил растянулся на земле и стал спокойно караулить.

– Он осаждает нас! – совершенно основательно заметила Фрикетта. – Чем все это кончится?.. Каково упрямство при такой злости! Я думала, что крокодилы не нападают на людей...

Действительно, обыкновенно большие земноводные нападают на людей очень редко, но во время кладки яиц самка очень внимательно наблюдает сначала за яйцами, потом за молодым потомством, защищая его от многочисленных врагов, немилосердно истребляющих и яйца, и выводки. Вообще она очень хорошая мать.

Поступок Ли с несколькими малютками возбудил против него и его подруги негодование чадолубивой мамыши.

Между тем осада затягивалась, и Фрикетта с ужасом думала, что должна, наконец, настать минута, когда во что бы то ни стало придется слезать.

Ли, казалось, совершенно успокоился. Он в полном блаженстве переваривал полдюжины съеденных им яиц, сохраняя невозмутимость буддийского идола.

После двух часов ожидания, показавшихся целой вечностью, они увидели плывшую вниз по течению большую крытую барку, на туземном языке «сампан».

Целые семьи вместе с полным скотным двором рождаются, живут и умирают на этих плавающих домах.

Ли резко свистнул и тоном человека, привыкшего распоряжаться, велел экипажу подъехать.

Люди повиновались и причалили к дереву, на котором скрывались молодая девушка и мальчуган.

Крокодил начал ворчать и яростно бегать вокруг ствола. Фрикетта не могла придумать, как им попасть в эту лодку, подоспевшую так кстати.

Ли подал пример. Он скользнул на сук, свесившийся над водой до самой крыши сампана; Фрикетта последовала его примеру и прыгнула на прочную крышу лодки.

В отношении людей к мальчику проявлялась более чем почтительность, – это было настоящее благоговение.

Мужчины и женщины опускались на колени, целовали его руки и ноги и всячески выражали ему свою крайнюю почтительность.

Ли относился ко всему совершенно хладнокровно, будто всю свою жизнь исполнял роль идола, и своим дребезжащим голоском отдавал приказания, которые немедленно исполнялись.

Эти приказания касались, главным образом, его подруги, которой Ли не забыл. В один миг со всех концов лодки молодой девушке натащили целую грудку всяких угощений, так что ими можно было бы целую неделю кормить человек двадцать.

И мадемуазель Фрикетта, насытившись и повеселев, резюмировала положение вещей одною из острот, которые у нее всегда находились в запасе.

– Мосье Ли, – обратилась она к мальчугану, – вы, кажется, одна из «шишек» здешней местности?.. Очень приятно!

Глава VII

В дороге. – Ли воздают божеские почести. – Два корейских племени. – Жители. – Впечатления. – Мандарины и синие пуговицы. – В паланкине. – Самый неудобный из всех экипажей. – Путешествие в ящике. – В Сеуле. – Дворец. – Царский сын.

С того часа, как Фрикетта попала на корейскую барку, для нее началось спокойное существование прибрежных рыбаков, спокойноверяющих себя тихому течению реки.

Но как интересна была жизнь этих простых людей, принявших к себе ее и ее смешного друга Ли.

Этот сампан представлял собой целый мирок, богатый местными красками и самыми интересными странностями.

Люди, животные, одежда, обычаи, пища – ничто не походило на то, что Фрикетта видела раньше, и все возбуждало ее любопытство.

Она постоянно высматривала все своим пронизательным взглядом, затем открывала записную книжку и заносила в нее несколько кратких заметок, где обыкновенно точно и образно передавала полученные впечатления.

Эти разносторонние заметки, всегда списанные с натуры, давали Фрикетте возможность составлять остроумные и живые журнальные статьи, имевшие такой успех.

Вот некоторые из таких заметок, относящихся к сампану:

«... Ли, единственной одеждой которого служила собственная кожа и кусок бумажной материи, получил полный костюм, состоящий из длинного полотняного халата, очень простого, но чистого. Это платье не сделало его красивее, но придало ему более порядочный вид.

Все поклоняются ему. Это очень интересуется меня, и мне очень хотелось бы узнать, кем может быть Ли.

Население сампана состоит из четырех мужчин, четырех женщин и пятнадцати или двадцати ребят... наверное не знаю.

Между мужчинами меня особенно поразило необыкновенное разнообразие типов. У двух физиономия носит отпечаток некрасивого, на наш взгляд, монгольского типа: курносый нос, приплюснутый у корня и раздутый в ноздрях; косо расположенные глаза; выдающиеся скулы; громадный рот; толстые губы; желтая кожа; светлая борода, торчащая как щетка...

Одним словом, вполне китайцы!

Другие имеют по чертам лица и цвету кожи физиономию вполне европейскую. Они носят длинную густую бороду, и это обстоятельство, вместе с белой кожей, правильным носом и глазами, расположенными как у нас, заставляет думать, что жители здешней местности принадлежат к двум различным расам.

Что касается здешних «дам», то их нельзя назвать красивыми. Вид у них испуганный и утомленный чрезмерной ранней работой. Все они чисто китайского типа, и между ними нет того резкого различия, которое поразило меня у мужчин.

После всех волнений это путешествие по реке кажется мне восхитительным. К несчастью только, на сампане, этом корейском ковчеге, очень тесно, и животные уж слишком ручные.

Ко мне относятся с величайшим почтением, и все стараются угодить мне. И это внимание относится больше к ученой, к писательнице, чем к женщине. Видя, что я то и дело пишу, эти добряки смотрят на меня как на какое-то особенное существо, принадлежащее к высшей расе.

Все здесь умеют читать и писать, и на сампане есть книги, которые просматриваются с интересом. Поэтому и к людям, причастным, подобно мне, к литературе, все эти взрослые дети относятся с большим уважением.

Предполагают, что у себя в отечестве я должна быть мандарином... или, скорее, мандариншей...

Мы питаемся хорошо; рис и свежая рыба подаются ежедневно. Рис, сваренный на пару, превосходен, а рыба очень вкусна.

Хозяина сампана зовут Тцепг, – имя, похожее на звук гонга или чиханье. У него есть два ручные баклана, которые ловят ему рыбу.

Днем мы тихонько плывем по реке; ночью сампан причаливает к берегу, и мы спим сном блаженных людей.

Сюда не доходит шум войны, и всюду царствует полная тишина. Долго ли так продлится?

Меня учат корейским словам, но, по-видимому, произношение мое так ужасно, что все хохочут до слез.

Я, в свою очередь, покатываюсь со смеху, когда обитатели сампана называют меня по-китайски: Фаликетта.

Мимоходом сделаю одно замечание: мужчины не носят, подобно китайцам, длинных, плетенных как шнурки кос. Они поднимают волосы на макушку и связывают в узел, который сдерживается сеткой из очень тонких бамбуковых ниток, похожих на конский волос. Это просто безобразно.

Дети носят косы и очень гордятся ими. Ужасно смешно! Так и хочется потянуть их за этот шнурочек, который висит до пят. Шляпы необъятной величины. Они делаются из бамбуковых ниток, но сплетены так, что не дают защиты ни от солнца, ни от дождя. Их прямо надевают на узел из волос, и лента под подбородком удерживает их.

Вчера был праздник. Все оделись в парадные платья. Мужчины надели длинные белые полотняные халаты и короткие сапоги с загнутыми носками и войлочными подошвами. Очень красивый, кокетливый яркий костюм женщин и детей состоит из юбки и коротенькой кофточки с рукавами.

Ли, по-видимому, принадлежащий к более высокой касте, получил очень роскошный шелковый костюм. Он единственный из всех так разодет, и это подтверждает мои предположения о его происхождении.

Прическа наших дам очень оригинальна и грациозна. Она состоит из двух кос, обмотанных вокруг головы в виде тюрбана. Косы подколоты далеко высовывающимися булавками с эмалью, что придает прическе живописность».

Плавание, которым так восхищалась мадемуазель Фрикетта, продолжалось более двух недель. Сампан двигался гораздо медленнее трансатлантического парохода. Но сама эта медленность имела прелесть для молодой девушки, которая каждую минуту радовалась принятому ею решению оставить спокойную городскую жизнь и искать приключений за тысячи верст.

Наконец, в одно прекрасное утро сампан остановился перед обширным селением, которое Тцепг назвал Фа-Чжю. Это была последняя остановка.

Едва барка пристала, как хозяин ее поспешил к дому губернатора.

Пока велись переговоры, Фрикетта сошла на землю и с любопытством осматривала домики, ютившиеся на берегу реки. Здесь она испытала разочарование: издали эти домики со своими соломенными крышами имели живописный вид, вблизи же они казались отвратительными лачугами, где европейцы не захотели бы поместить и своего скота.

Грубо обтесанные и воткнутые в землю древесные стволы образовали сруб. Неровные стены, слепленные кое-как из глины, смешанной с рубленой соломой, местами потрескались и давали свободный доступ ветру, дождю и солнцу.

Внутри господствовали отталкивающая неопрятность и теснота, в которой здесь ютились люди и животные.

Молодая девушка заметила, что самые ужасные кожные болезни попадались здесь очень часто.

Продолжать свои наблюдения ей помешал совершенно неожиданный эпизод. Странная процессия вышла из главной улицы и торжественно-медленно направилась к сампану. Заинтересованная Фрикетта вернулась на барку.

Во главе процессии шел Тценг, хозяин барки, служа проводником; за ним – с дюжину милиционеров в стальных шлемах, украшенных красными перьями и вооруженных длинными саблями и громадными фитильными ружьями.

Следом несли три паланкина³. Наконец, офицер с двумя саблями нес закрытый зонт, обозначающий присутствие высокого сановника.

Процессия остановилась, и из первого паланкина вышел старик почтенной наружности, с длинной белой бородой и лицом европейского типа.

При виде Ли, сошедшего на землю, мандарин, одетый в богатые шелковые ткани и в шапочке, украшенной синей пуговкой, преклонил одно колено и почтительно поцеловал руку маленького гнома.

«Что значат все эти поклоны, которые так расточают перед Ли? – думала Фрикетта. – Что он такое – идол?.. царский сын?.. Приключение делается все более и более интересным».

Старик, стоя на коленях, произнес краткую речь, которую Ли важно выслушал; затем подозвал жестом двух носильщиков, и они поставили паланкин на землю.

Ли, послав дружескую улыбку Фрикетте и ответив несколькими словами старику, вошел в паланкин.

По новому знаку старика приблизились другие два носильщика и жестами пригласили молодую девушку занять место в странном экипаже.

При виде этого ящика, величиной не более собачьей конуры, Фрикетта на минуту колебалась. Не будучи в силах сдержать улыбку, она думала про себя:

«Но, во всяком случае, содержащее больше содержимого... Там будешь чувствовать себя, как труп в гробу!..»

Видя ее колебание, старый мандарин показал ей пример: он задом влез в отверстие с передней части носилок, сел на корточки и пробормотал несколько непонятных слов, относившихся, само собой разумеется, к Фрикетте.

Но она уже знала, как поступать, и тотчас последовала его примеру.

Улыбнувшись на прощанье жителям сампана, она поместилась в паланкине.

Едва успев принять позу, неудобную для нас, европейцев, она почувствовала, что носильщики подняли ее с земли и побежали крупной рысью.

Этот способ передвижения, употребляемый в Корее за недостатком путей сообщения, а также вьючных и упряжных животных, очень неприятен для европейца. Не имея возможности пошевелиться, потянуться, даже почесаться, Фрикетта переносила настоящую пытку. Кроме того, тихое и непрерывное покачивание паланкина вызвало в ней неприятное ощущение, похожее на морскую болезнь.

Такое путешествие продолжалось несколько часов! Время от времени Фрикетта чувствовала сильный толчок, потрясавший с головы до ног все ее внутренности. Это бывало, когда усталый носильщик уступал место своему товарищу.

Тот с невероятной быстротой схватывал, так сказать, на лету концы жердей, не останавливаясь ни на минуту.

При наступлении ночи путешественники остановились в самом удобном доме одного селения, по указанию старого мандарина.

Почет, которым окружен был Ли, все увеличивался, не мальчик не возгордился.

³ Паланкин (португ.) – крытые носилки.

Молодая девушка слышала часто слово «Сеул». Она знала, что так называется столица Кореи, и решила, что поезд их направляется в этот город.

К счастью, расстояние, отделяющее Фа-Чжю от столицы, невелико.

На другой день около полудня маленький отряд увидел стены, образующие на протяжении четырех миль укрепления Сеула⁴.

Широкие, но немощные, заваленные мусором улицы были запружены толпами жителей в праздничных нарядах. Фрикетта увидела, что солдаты выстроились и пытались отдать честь по-европейски.

Затем раздался оглушительный залп из пушек.

Народ толпился на пути паланкинов и перекрывал проход, несмотря на удары бамбуковых тростей, хлопавших, как по барабанам, по спинам любопытных.

Сделав большой полукруг до южных ворот, они подошли к ограде высотой в десять метров.

Здесь, на пространстве трех квадратных километров, помещался королевский дворец и его службы.

Фрикетта, старый мандарин и вся свита вошли в массивные ворота, охраняемые солдатами в полной парадной форме, и подошли к дворцу китайского стиля, охраняемому двумя гранитными львами, лежащими в позе сфинксов.

Трое путешественников вышли из паланкинов и с наслаждением потянулись, особенно Фрикетта.

К ним подошел кто-то вроде дворецкого и немедленно ввел их в громадный зал, украшенный с восточной роскошью. Плотная толпа роскошно одетых чиновников расступилась, чтобы дать дорогу Ли, который первый подошел к человеку, одетому в белое платье и сидевшему на золоченом возвышении вроде трона.

Несмотря на восточную флегматичность, этот человек проявил большую радость при виде мальчугана и, как самый обыкновенный папаша, раскрыл ему свои объятия.

Ли бросился к седому человеку и начал целовать его.

Тогда предположения Фрикетты подтвердились: этот счастливый отец был Ли-Хун, король Кореи, повелитель десяти миллионов подданных, а мальчик Ли – его наследник.

⁴ Официальное имя этого города – Хан-Янг. Китайцы называют его Уанг-Чинг, а корейцы – Сиеур. Китайцы исказили это название в Сеул, и европейцы приняли их произношение. – Примеч. автора.

Глава VIII

Тайное общество. – Несколько слов из истории. – Тогакутосы. – Соперничество между двумя державами. – Причины китайско-японской войны. – Почему Ли похитили. – Сеул. – Тип миссионера. – Грязь и зараженная атмосфера. – Фрикетта хочет уехать.

Китайско-японская война открыла нам существование могущественной, опасной и почти совершенной военной организации на Крайнем Востоке.

Вначале в Европе эту борьбу считали шуточной войной.

– Они будут друг в друга шапками кидать! – шутя выразился один генерал, известный брюзга.

На деле же оказалось, что война велась по всем правилам и готовилась на протяжении четверти столетия. Во главе войск стояли замечательные полководцы. Все это относится к японцам, так как китайцы, неуклонно державшиеся своей вековой рутины, проявили себя с самой плачевной стороны. Не входя в обсуждение подробностей военных операций, не безынтересно было бы узнать причины этой войны, так как с этими причинами связан тяжкий плен, из которого Фрикетта освободила маленького Ли.

Основной и действительной причиной было вековое соперничество между Китаем и Японией, с незапамятных времен оспаривавших друг у друга первенство на Востоке; случайный же повод, повлекший за собой столкновение двух великих держав, дало существовавшее в Корее тайное общество, члены которого под предлогом патриотизма противились всем реформам.

Это общество называлось Тогакутос. Его члены считали всех иностранцев врагами, всякую уступку – слабостью, всякий прогресс – обманом. И странно, эти корейские патриоты не только не желали освобождения Кореи, но, напротив, настаивали на закреплении ее Китаем.

Около двух тысяч лет тому назад Корее удалось завоевать себе независимость; но японцы, уже давно жадно смотревшие на этот клочок земли, со своей стороны, старались овладеть им. Это послужило началом ожесточенной борьбы, продолжавшейся в течение многих веков.

Благодаря тогакутосам страна была совершенно недоступна иностранцам, так что, всего тридцать лет тому назад, ее вовсе не знали.

В 1866 году французская экспедиция, под начальством адмирала Розе, имела успех только наполовину, так же, как американская экспедиция 1868 года. Страна оставалась запертою на замок.

В 1875 году японцы дипломатическим образом пробрались в Корею, усыпив на некоторое время бдительность тогакутосов. Их агенты в пять лет сделали больше, чем их войско в двадцать веков.

Они получили разрешение на вход для торговли в гавани Фузана, Чемульпо и Жензана, добились позволения снять карту берегов, что представлялось крайне важным в случае войны.

Так мало-помалу японцы настолько укрепились в стране, что добились даже назначения японских офицеров для обучения войска. Таким образом храбрая и сильная армия очутилась в их власти. Это произошло в 1881 году. В 1884 году этим хитрым дипломатам удалось через своих агентов возбудить среди черни возмущение, имевшее целью освобождение Кореи от китайской зависимости.

Вмешался японский министр и ловко сумел доказать королю, что он должен признать Тиен-тзинский договор. По этому договору, обоюдоострым мечом висевшему над Кореей, Китай обязывался посылать свои войска на полуостров не иначе, как известив микадо, который, в таком случае, имел право послать туда такое же количество и своих солдат.

Король согласился и подписал.

Возмущение, возбужденное исключительно с целью добиться этого согласия, улеглось тотчас же по присылке трех тысяч солдат, наполовину японцев, наполовину китайцев.

Дверь была теперь широко раскрыта.

Видя эту медленную и непрестанную работу японского нашествия, тогакутосы взволновались и решили вмешаться. Большинство их принадлежало к привилегированным сословиям, высшим сановникам, дворянам, крупным землевладельцам – и они пустили в ход своих агентов, которым хорошо платили.

Это могущественное, богатое и хорошо организованное общество не отступало ни перед какими средствами, ни перед какими крайними мерами. Поджоги, похищения, убийства во всех видах были их обычным орудием.

Они противопоставили японскому влиянию китайское и нашли хорошо подготовленную почву, так как симпатии корейцев были на стороне китайцев, которые были более удобными повелителями, чем японцы со своим безграничным честолюбием и особенно своим отношением к корейцам как к низшей расе.

Так продолжалось до апреля 1894 года. Считая успех обеспеченным, тогакутосы, под предлогом взяточничества со стороны чиновников, взбунтовали население северной части полуострова. Представителей короля прогнали с занимаемых ими мест. Тогда Ли-Хун вмешался со своим войском.

Возмущение корейцев приняло такие размеры, что королевские войска не в состоянии были подавить его. В отчаянии Ли-Хун официально обратился к Китаю. В точности исполняя Тиен-тзинский договор, Китай немедленно сообщил о просьбе Ли-Хуна микадо.

Таким образом китайцы и японцы очутились лицом к лицу на корейской земле, и в первое время отношения между ними были самые вежливые.

Однако согласие продолжалось недолго, так как скоро обеим державам пришла мысль разыграть относительно Кореи роль третьего вора в басне о двух ворах, укравших осла.

Китайцы втихомолку высадили 2000 человек, думая застать японцев врасплох. У японцев было уже наготове 5000 человек; они высадили их в Чемульпо и поспешно заняли ими Сеул.

Китайцы отвечали посылкой нового войска.

Приняв этот поступок за выражение враждебности, микадо воспользовался им для объявления войны.

Военные действия начались взрывом большого транспортного китайского судна «Коу-шинг», причем ехавшие на нем тысяча двести солдат потонули.

Затем в продолжение шести недель, до большого сражения, на котором присутствовала мадемуазель Фрикетта, происходили незначительные стычки, вызванные концентрацией войск.

Тогакутосы, зная, что победа японцев навеки уничтожит их влияние в Корее, всеми силами старались поддерживать китайцев, своих естественных союзников.

С этой целью и с тем, чтобы оказать на короля Ли-Хуна окончательное влияние, они похитили его наследника, маленького Ли.

Ребенка украли из дворца ночью, несмотря на окружавшую его стражу, а может быть именно с ее помощью. В комнате, где он жил, на стене оказался приколотый кинжалом исписанный лист бумаги.

«Король, сын твой в руках китайцев, которые сохраняют его заложником. От тебя будет зависеть, останется ли он в живых или умрет. Прикажи всем твоим подданным восстать, стань деятельным помощником

китайцев, прогони японцев, и сын твой будет жить. Иначе ему грозит неминуемая смерть».

Китайцы увезли маленького принца и обращались с ним бесчеловечно до дня его встречи с Фрикеттой.

Остальное известно читателю.

Как король Кореи и еще более как отец, Ли-Хун с восторгом принял Фрикетту и с первой же минуты выражал ей бесконечную благодарность.

Он богато одарил также Тценга, владельца барки, привезшего его сына, и старого мандарина, окончательно вернувшего мальчика отцу.

Тценг получил богатые подарки, значительную сумму денег и освобождение от всех податей. Мандарин был возведен в высший класс. К несчастью, ни тому, ни другому не пришлось долго пользоваться королевскими милостями.

Тогакутосы, рассерженные этой первой неудачей, решили отомстить и стереть с лица земли всех тех, кто содействовал освобождению маленького Ли, а его самого уничтожить при первой возможности.

Угроза была тем ужаснее, что общество обладало почти безграничными средствами, чтобы привести ее в исполнение, что оно действовало втайне и что его члены, никому не известные, принадлежали ко всем слоям общества.

Между тем Фрикетта, не зная об угрожающей ей опасности, с своей обычной живостью все высматривала, всюду заглядывала, была в движении целый день.

Случай свел Фрикетту с одним человеком, прекрасно говорившим по-французски, и он служил ей переводчиком. То был старый француз-миссионер, уже двадцать лет живший в Корее, а перед тем побывавший и в Китае и в Японии. Он сроднился с этим маленьким уголком Кореи, где вековое равнодушие буддистов терпело его, и жил спокойно среди небольшой группы туземцев, которых он обратил в христианство и которые привязались к нему.

При первой встрече Фрикетта приняла его за китайца по его костюму мандарина, в котором он, по-видимому, чувствовал себя совершенно свободно и который очень шел ему, по волосам на верхней губе, которые он отрастил себе по-китайски, в виде длинных, жидких усов, а также по остроконечной бороде. Длинная коса, спускавшаяся до пят, и большие роговые очки дополняли этот классический костюм.

Ошибка молодой девушки заставила рассмеяться старика, и он отвечал ей на чистом французском языке, от которого ее сердце встрепенулось.

– Я старый француз, уроженец берегов Луары. Я священник и зовут меня отец Шарпантье; китайцы же не могут произнести мое имя и переделали его в Сальпатье.

– А меня из Фрикетты превратили в Фаликетту.

Старик и девушка сразу подружились. Победенный с первого слова веселостью Фрикетты, он знакомил ее с корейскими обычаями, вводил ее в домашнюю жизнь этого обособленного народа, неизвестного даже на Востоке.

Наблюдательная и выносливая Фрикетта обходила с миссионером все уголки и закоулки Сеула, восхищаясь своими неожиданными открытиями.

Заглянем опять в записную книжку молодой девушки.

«Сеул в самом деле удивительный город. Да город ли это? Конечно, если смотреть на число его жителей, которое достигает двухсот тысяч... Но дома!.. Какие ужасные лачуги!.. Это жалкие мазанки из битой глины, крытые соломой, и крохотные, как жилища карликов. Большинство из них не имеют и трех метров в высоту. Когда из них выходит целая семья мужчин, женщин и детей, невольно сравнишь их с курами, высывавшими из слишком тесного курятника.

Эти мазанки разбросаны вдоль вонючих переулков, заваленных всевозможными нечистотами! Чего тут только нет! И все это валяется в таком количестве, что часто нельзя шагу ступить... а добрые корейцы копошатся на своих улицах, как черви в навозной куче. И надо признаться, что вследствие этого общаться с ними не особенно приятно.

Как подумаешь, что еще в прошлом году я жаловалась на парижские запахи! А тот воздух, которым мне приходилось иногда дышать и во время занятий, и в госпитале, и в анатомическом театре, ничто в сравнении с ароматом, стоящим на улицах Сеула.

Отец Шарпантье привык к нему и, кажется, уже не замечает его. Счастливец!

Несколько королевских дворцов содержатся немного лучше, но тот же запах и там встречается на каждом шагу. Приходится ступать осторожно, будто исполняя «танец между яйцами».

Отец моего маленького друга Ли познакомился с некоторыми плодами цивилизации. Его, как большого ребенка, тешили телефон и фонограф. Но он ничего в них не понял и скоро испортил эти таинственные игрушки. Точно мальчишка, которому непременно надо знать, что находится внутри.

Нет, я не могла бы жить в такой стране.

Наступили сильные холода; зима в этой стране, лежащей на одной широте с Неаполем, холодная. Жители теснятся в своих мазанках и согреваются оригинальным способом. Под полом каждой мазанки в подвале устроено нечто вроде печки, которую набивают всевозможным горючим материалом, в том числе и уличным сором. Дым выходит через трубу, выходящую на улицу на высоте метра над землей. Когда холодно, все эти трубы дымят немилосердно и застилают улицу густым облаком вонючего дыма, который ест глаза, раздражает горло, возбуждает тошноту, мешает видеть и бывает причиной падения.

Зима становится все холоднее. Холод собачий, а я такая зябкая! Однако нет худа без добра: от сильных морозов замерзли канавы и грязь, а всякие нечистоты превратились в камень. Как будто произошла всеобщая дезинфекция, и это уже немало.

Но все же, несмотря на дружбу моего маленького Ли, несмотря на заботы, которыми меня окружает его отец, корейский король, несмотря на дружбу старого миссионера, мне хотелось бы уехать и вернуться в армию.

Когда это будет?»

Глава IX

Планы отъезда. – Чудеса Фрикетты. – Мыло и вода. – Опять тогакутосы. – Ужасная казнь. – Сеул объят ужасом. – Первые жертвы. – Неудавшееся бегство. – Возвращение. – Исчезла!

Ползимы протекло без особенных происшествий. Фрикетта, крайне чувствительная к холоду, совсем закупорилась во дворце, предоставленном великодушно Ли-Хуном в ее полное распоряжение. Да, ни больше, ни меньше, как целый дворец.

«Я живу среди роскоши, – весело писала Фрикетта родителям, – но остаюсь к этому почти равнодушна. Устроилась я здесь недурно и даже довольно удобно, переделав многое по-своему. Но я страдаю от холода; по-моему, можно вынести какую угодно жару, только не мороз. При первой возможности я отсюда уеду».

Как! Уже? Что же делать, у Фрикетты крайне подвижной характер, и бездействие ее тяготит. Ее намерение уехать чрезвычайно взволновало весь двор Ли-Хуна, где ее все так любили. Маленький Ли в отчаянии крепко уцепился за платье своей дорогой Фрикетты и горько плакал. Его отец, король, выразил свое горе более шумным образом. Миссионер, чтобы скрыть свое волнение, очень громко высморкался и отер украдкой слезу. Потом он тихо прибавил:

– Вы были ангелом-хранителем этих несчастных! Что они станут делать без вас?

– Ах, не преувеличивайте мои ничтожные заслуги.

– Дитя мое, ваши медицинские познания дали вам возможность оказать помощь тысячам. Ужасные кожные болезни, до вас неизлечимые, теперь исчезли совершенно.

Фрикетта разразилась громким смехом, который странно звучал среди всеобщего отчаяния.

– Да, конечно, – продолжал смущенный миссионер, – вы творили настоящие чудеса.

Фрикетта засмеялась еще громче. Маленький Ли тоже сочувственно прыснул, а Ли-Хун разразился смехом, который раздвинул в ширину его круглую, как луна, физиономию.

– Да, ведь вы можете делать такие же чудеса, коли захотите, сотнями, тысячами!..

– Я не доктор.

– Не нужно быть ученым, чтобы понять, что важнейшая болезнь здесь – это нечистоплотность, грязь, доходящая до крайних пределов. Хотите знать мои лекарства? Вот они: Aqua fontis в достаточном количестве и Sapo simplex⁵ по мере надобности...

– Но, дитя мое...

– Потом возьмите хорошую щетку и трите или заставьте кого-нибудь тереть пораженное место кожи. Вот видите, ничего кроме чистой воды и обыкновенного мыла... Вот и вся моя наука... объяснение моих чудес... тайна моего лечения...

Был уже конец января, и японские войска, продолжая войну, так удачно начатую, одерживали победу за победой. После ряда выигранных сражений они осаждали теперь Порт-Артур, перенеся таким образом арену действий из Кореи, откуда они вытеснили китайское войско, в самый Китай.

В ярости, видя такой успех японцев, тогакутосы опять заволновались и стали готовить новый, неожиданный удар. Они смертельно возненавидели всех иностранцев, которых считали причиной своих неудач, в особенности же Фрикетту, влияние которой на короля увеличивалось с каждым днем. Они не могли простить молодой девушке, что она спасла наследника престола, вырвала из рук китайцев заложника. Тогакутосы решились не щадить ничего и одним ударом, по-китайски, сразить короля, маленького Ли, Фрикетту, отца Шарпантье и всех иностранцев, близких королю. Но они действовали с крайней осторожностью.

⁵ Простое мыло. – То же.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.